

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Отечестве нашем не принято издавать каталоги личных библиотек, меж тем о личности многих ученых состав библиотеки дает едва ли не более выпуклое понятие, нежели библиография опубликованных трудов. Если не брать крайние случаи, когда ученый вследствие стесненных обстоятельств или личной привычки работает исключительно в публичной библиотеке, то по его филологическому инструментарию можно, не заглядывая в его труды, с известной степенью вероятности не только очертить круг его интересов, но и с высокой долей точности высказать предположения о качестве его научных штудий. При этом книги с автографами будут несколько смазывать картину. С одной стороны, круг знакомых и друзей фондообразователя для сведущего в истории науки исследователя может оказаться подобием лакмусовой бумажки. С другой стороны, если адресат подношений занимал изрядную научную или педагогическую должность, то этот круг заметно расширился за счет лиц, поневоле связанных с ним административными узами. Кроме того, в отличие от всех прочих, книги с инскриптами появляются в библиотеке самозванными гостями, поэтому оценить потребность в них самого исследователя не представляется возможным, хотя, конечно, уже то, что сочинение не было выброшено в помойку недрогнувшей рукой, а заняло свое место на полке в рабочем кабинете, тоже о чем-то говорит.

Но значение украшенных инскриптами экземпляров вдруг становится первостепенным, если реконструкции подлежит не только научный, но и человеческий облик адресата подношений. Уже к началу XX века традиция вырабатывает стандарт нейтральной дарственной надписи: «<Глубоко/Много> Уважаемому NN от Автора <Сочинителя>», и, по сути, любые отступления от этой формулы эмоционально маркированы. Конечно, у разных дарителей это выражается очень по-разному: среди литераторов XX века есть как и признанные мастера богатого инскрипта (А. Белый, А. Ремизов, Ю. Тынянов), так и адепты крайнего лаконизма, с явной неохотой выходящие за рамки соответствующего канона (В. Брюсов, А. Блок, Ф. Сологуб). Но даже учитывая склонность некоторых авторов к максимальному усековению эмоциональной составляющей, при наличии изрядного корпуса инскриптов, адресованных одному лицу, можно составить достаточно полное представление как о самом реципиенте подношений, так и об его отношениях с окружающими его коллегами.

Корпус сохранившихся в библиотеке Г. П. Макогоненко книг с автографами весьма велик и насчитывает около 700 позиций. Наиболее ранние из них датированы концом 30-х — началом 40-х годов, последние получены за несколько месяцев до смерти, в 1986-м. Между ними — вся его научная и творческая биография, от первых студенческих лет до забвения начала 80-х. Первый из доступных нам автографов (что характерно — от Г.А. Гуковского) датирован 1939 годом. 1940-е представлены шестнадцатью инскриптами, треть из них — от Ольги Берггольц. 1950-е не в пример урожайнее — 115 дарственных надписей. 1960-е — 197 автографов. 1970-е — 239. 1980-е — 81 инскрипт. По тому, как меняется круг дарителей и текст автографов, можно судить не только о творческом пути и административной карьере Георгия Пантелеймоновича (вектор которых прям и известен), но и о том, как меняется среда его общения, в том числе за счет сопряжения несоединимых в принципе кругов.

Здесь необходимо важное отступление. Для западного ученого, да и для нашего современника тоже, внешняя (формальная) сторона его штудий ограничена в худшем случае университетской либо академической администрацией. Неформаль-

ная сегрегация ученых может происходить по принципу приверженности традиции, принадлежности научной школе, лояльности экстравагантной идее. Для времени, на которое падает основной период деятельности Макогоненко, центральный вопрос самоидентификации — отношение к действующей власти и, соответственно, включенность в жесткую систему идеологической иерархии. Условно говоря, как в Православной Церкви представитель белого духовенства не может принять чин выше приходского священника, так ученый, не являющийся членом единственной политической партии, не мог претендовать на должность выше известного уровня. При этом в подъеме на очередную ступень партийного блаженства заключался целый пучок прямо следующих из него возможностей как житейского и номенклатурного, так и чисто научного плана — например, количества публикаций и возможностей монографии.

Из этого проистекала естественная оппозиция между учеными, так сказать, политически ортодоксальными и неблагонадежными, причем так уж случилось, что качество научных работ обычно было обратно пропорционально тому, что в советские времена стыдливо называлось «активным участием в общественной работе». Впрочем, из этой апории бывают и счастливые исключения, одним из которых нам как раз представляется наш нынешний герой, бывший, кстати, беспартийным. Причем дело здесь не в особой эластичности его взглядов, а, скорее, в том, что участие Макогоненко в истории литературы отнюдь не исчерпывается его опубликованными текстами. После того, как он (довольно рано) достиг высшей ступени административной и педагогической карьеры, перед ним, как, вероятно, и перед любым ученым-педагогом, возник выбор, какая из этих ипостасей для него будет доминантной. Как представляется, однозначный выбор был сделан в пользу учительства. Судя по воспоминаниям современников (даже с необходимой поправкой на ретроспективную комплиментарность) и — особенно — по инскриптам, помощь ученикам, друзьям и коллегам занимала в его практике едва ли не больше места, чем генерация собственных текстов. Вот взятые наудачу выдержки из адресованных ему надписей: «Дорогому Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко, поддерживавшему

меня в борьбе за эту книгу» (Л. Гинсбург), «с глубокой любовью, нерушимой душевной привязанностью и искренней благодарностью за дружескую помощь при работе над этой книгой» (Е. Добин), «с большими спасибоми» (Б. Егоров), «Дорогому Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко, который, говоря заумным слогом, споспешествовал появлению этой книги» (И. Ямпольский), «Дорогому Юре – доброму гению этой книги и ее редактора старика Б. Эйхенбаума» и мн. др. Мы намеренно не приводим в этой выборке даты под надписями, поскольку единожды взятый в начале 1950-х годов тон их со временем не меняется, причем имена Лотмана и Оксмана мирно соседствуют в перечне авторов с именами Наровчатова и, не побоимся этого слова, Храпченко.

Вообще, в этом идеологическом протезизме, позволявшем сочетать в круге дружеского или, по крайней мере, благосклонного общения столь несоединимые научные круги, видится еще одна любопытная черта личности Георгия Пантелеймоновича. Поставленный волею судьбы в бесцветные обстоятельства советского академического и общественного быта, он не мимикрировал под фон окружающей среды, а, напротив, игнорировал его. Большинство мемуарных очерков о нем начинаются с описания его необычного внешнего вида и поведенческого типа: «Юра Макогоненко выделялся из массы студентов: высокий рост, живой, активный темперамент, привычка прилично, по тем временам хорошо одеваться – все это привлекало к нему внимание». И дальше: «Георгий Пантелеймонович вечером сидел за столиком на площадке перед фасадом гостиницы, пил вино и курил сигару. Это было воспринято как «вызов коллективу»». И еще: «закурил свою нескончаемую сигару», «элегантный костюм, знаменитая сигара», «почти всегда в руке была сигара» и т.п. Герой как будто специально противопоставляет себя образу типичного профессора, формируемому глуповатой советской пропагандой (рассеянность, очки, перхоть, портфель). Меж тем, конечно, создаваемый Макогоненко образ столь же литературен, хотя и не в пример более привлекателен эстетически – это классический американский профессор, не Пнин, конечно, а скорее Морис Цапф или Себастьян Милуа, вдруг перенесенный из солнечной Небраски в угрюмые коридоры университета имени Жданова.

Ныне читателю предлагается публикация всех сохранившихся и доступных нам дарственных надписей на книгах, выявленных в библиотеке покойного Георгия Пантелеймоновича и ему адресованных. Его библиотека была приобретена осенью 2004 года и каталогизирована весной – летом 2005-го. Некоторые инскрипты исключены нами из публикации по причинам частного характера. В описании указываются выходные данные книги – носителя инскрипта, место его локализации и техника исполнения. Текст приводится в авторской орфографии без соблюдения оригинальной разбивки на строки. Публикаторы с неизменным удовольствием примут любые соображения относительно предлагаемого каталога.

А.Л. Соколов